

многосложных китаизмах приводятся иероглифы. Принципы подачи иероглифов при китайских заимствованиях определялись вьетнамской стороной. При русских эквивалентах в некоторых трудных для вьетнамцев случаях даются специальные пометы, например, указываются род русского существительного, особые случаи образования множественного числа существительных и совершенного вида глаголов, уменьшительно-ласкательные формы существительных.

Авторы Нового БВРС надеются, что словарь займёт достойное место в двуязычной вьетнамско-русской лексикографии и внесёт свой вклад в дело сотрудничества и взаимопонимания между нашими народами. Осознавая, что при всех имеющихся достоинствах словарь далёк от совершенства, будем благодарны коллегам за любые конструктивные замечания.

Е.И. Тюменева

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ КАК НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ ВЬЕТНАМСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В практике преподавания вьетнамского языка фиксируются различия национально-культурной специфики языкового сознания вьетнамцев, которые проявляются в виде концептов, понятий и слов, не встречающихся у носителей русского языка. Обычно это происходит в форме послетекстовых комментариев и не носит системного характера. Однако нормальная коммуникация невозможна без развитого культурологического кругозора, знания реалий Вьетнама и вьетнамского языка. Понять и правильно интерпретировать эти реалии помогает фразеология, изучение которой должно осуществляться на всех ступенях обучения.

Фразеологический фонд вьетнамского языка представлен двумя наиболее распространёнными формами: тханьнгы и тукнгы. Тханьнгы, или «готовое выражение» — это устойчивое фразеологическое четырёхморфемное словосочетание, носящее экспрессивный характер и являющееся членом предложения¹. Вьетнамский исследователь Нгуен Ван Ханг включает тханьнгы в группу «четырёхморфемных фразеологизмов», куда, по его мнению, также входят компаративные обороты и предикативные сочетания². Нгуен Ван Ханг полагает, что «четырёхморфемные словосочетания» составляют примерно 80 % всех фразеологиче-

ских единиц вьетнамского языка³. Однако наличие четырех морфем является необходимым, но не единственным признаком «готовых выражений». В их лексической, семантической и часто фонетической структуре обязательно присутствуют парность и параллельность. По совокупности этих признаков тханьги можно отнести к фразеологическими оборотам. Тукнгы, состоящие из трёх и более морфем, объединяют пословицы и поговорки, которые представляют собой законченное предложение, содержащее какое-либо суждение или идею⁴. Тханьги и тукнгы принадлежат к номинативному инвентарю языка, полностью или частично идеоматичны, а также устойчивы и обладают способностью воспроизводиться в речи в готовом виде. Это является основанием для отнесения этих словосочетаний к паремиям.

Паремии и фразеологизмы являются важной частью национальной культуры и отражают картину мира носителя языка. Картина мира состоит из концептов и связей между ними. Концептуальная картина мира вьетнамцев тесно связана с географическим положением, рельефом местности, климатом, животным и растительным миром, т. е. с тем, что окружает человека в течение всей его жизни.

Во вьетнамской фразеологии часто встречаются названия животных-эндемиков, играющих особую роль в жизни конкретных людей на конкретной территории. Образы животных метафоричны, а сама метафора основана на таких качествах, как внешний вид, цвет, размер, повадки, среда обитания, взаимоотношения с человеком.

Для изучения национально-культурной специфики образа животных во вьетнамской фразеологии мы выбрали четырёх представителей вьетнамской фауны, которые наиболее часто встречаются в пословицах и поговорках — буйвола, слона, тигра и змею, а также одного мифического животного — дракона. Мы согласны с Нгуен Ван Но, который включает дракона в список животных-эндемиков⁵. И хотя дракона в реальности не существует, все же образ дракона наряду с другими животными участвует в формировании культурно-национальных стереотипов со множеством коннотативных связей и ассоциаций. Согласно таблице, составленной Нгуен Ван Но, первым по частоте упомина-

ния в паремиях идёт буйвол, затем слон, далее тигр и дракон, и замыкает таблицу змея⁶.

Сравнивая национально-специфические образы животных во вьетнамских и французских пословицах, Нгуен Куи Тхань отмечает, что в силу специфики роли буйвола в жизни вьетнамцев образ этого животного является паремиологической репрезентацией «человека вообще», наделённого всеми присущими людям положительными и отрицательными качествами, своей судьбой, характером, социальными связями⁷.

Издавна вьетнамцы использовали буйвола как тягловую силу при выращивании риса — основной продовольственной культуры, поэтому буйвол неразрывно связан с человеком, землёй и водой. Близость к крестьянину, который рассматривал буйвола как своего товарища по несчастью, вынужденного много работать и жить в нищете, стал основой метафоры тяжёлой жизни. Об этом говорит народное речение: *lâm kiệp trâu ăn cỏ* / «судьба буйвола, питающегося травой». Участь буйвола, так же, как и бедного человека, — быть в услужении у богатых: *lâm thân trâu ngựa* / «быть буйволом и лошадей».

С другой стороны, на протяжении веков складывался образ буйвола как олицетворения богатства, зажиточности, жизни в довольстве. *Chín đụn mười trâu* / «девять скирд риса, десять буйволов» или *trâu cày ngựa cưỡi* / «буйвол с плугом, лошадь под седлом» — так представлялась вьетнамцам прошлого богатая жизнь в деревне (сравните: «дом — полная чаша»). *Tậu trâu, lấy vợ, làm nhà* / «купить буйвола, жениться, построить дом» — вот то, что необходимо сделать человеку в жизни (сравните: «построить дом, посадить дерево, вырастить сына»). Буйвол — такой же неотъемлемый образ богатства, как и рис, о чём говорит пословица: *lâm ruộng không trâu, làm giàu không thóc* / «обрабатывать землю без буйвола, разбогатеть без риса». В народном сознании ни первое, ни второе было практически невозможно. Без буйвола не было возможности и начать серьёзное дело: *con trâu là đầu cơ nghiệp* / «буйвол — голова дела» (сравните: «корова в рогоже, да всех дороже»). Потеря буйвола была для вьетнамца настоящим несчастьем. Об этом говорит пословица: *đến đâu chết trâu chết bò* / «куда бы он ни пришёл, там гибнут буйволы и быки».

При сравнении с другими крупными животными буйвол обладает явными преимуществами. Об этом говорят пословицы: trâu gầy cũng tày bò giống / «худой буйвол равен племенному быку»; trâu he hơn bò khỏe / «больной буйвол лучше здорового быка»; trâu ho bằng bò gồng / «буйвол кашляет, как бык мычит».

Жизнь вьетнамских крестьян проходит в трудных условиях жаркого тропического климата, когда для успешной работы необходима выносливость. Когда говорят: trâu hay không ngại cày trưa (вариант: trâu khỏe chẳng lo cày trưa) / «хороший буйвол не боится пахать в полдень», то возникает образ трудолюбивого, не пасующего перед трудностями человека, ведь полдень — самое жаркое время дня, а работать в такое время могут лишь здоровые и выносливые люди.

Со сложными климатическими условиями, частыми стихийными бедствиями — тайфунами, наводнениями, засухой — связаны фразеологические единицы, в которых речь идёт о необходимости коллективных действий. При необходимости выразить идею взаимопомощи, совместных действий для преодоления трудностей также используется образ буйвола. Trâu có đàn, bò có lũ / «у буйвола есть стадо, и у быка есть стадо». Так говорят, когда хотят подчеркнуть, что жизнь в обществе предполагает коллективизм и солидарность. А если со своими проблемами человек не мог справиться в одиночку, то существовало правило: trâu béo kéo trâu gầy / «тучный буйвол тянет худого», т. е. трудности слабого преодолеваются с помощью сильного.

В представлении вьетнамцев буйвол тесно связан с родным домом и рисовым полем. Говоря: trâu đồng nào ăn cỏ đồng ấy / «на каком поле буйвол, ту траву он и ест» или trâu ta ăn cỏ đồng ta / «наш буйвол есть траву нашего поля», вьетнамцы иронизируют над теми, кто замкнулся в своём тесном мирке, не хочет расширить горизонты познания, выйти за привычный круг происходящего. В то же время у пословицы trâu ta ăn cỏ đồng ta есть продолжение: tuy rằng cỏ cụt nhưng mà cỏ thơm / «хотя трава куцая, но ароматная», и оно придаёт высказыванию другой оттенок: любовь к малой родине и неприятие зависти к чужому достатку.

Буйвол — животное домашнее, он живёт бок о бок с человеком и помогает ему в этой жизни đường nắm đuôi chó. Lạc ngõ

nắm đuôi trâu / «сбился с пути — держись за хвост собаки, пропусти поворот, держись за хвост буйвола», так как и собака и буйвол прекрасно знают дорогу домой и никогда не сойдутся с пути.

Медлительность и неповоротливость буйвола сформировали образ глупого, вечно опаздывающего человека, который не может добиться успеха в своём деле: trâu chậm uống nước đục (вариант: trâu chậm uống nước dơ / «опоздавший буйвол пьёт мутную (грязную) воду» или trâu ngơ ăn cỏ héo / «глупый буйвол щиплет увядшую траву». Интересно, что у последней поговорки есть вариант: trâu ngơ ăn cỏ béo / «глупый буйвол щиплет густую траву» (сравните: «дуракам счастье»). Глупость и несообразительность буйвола также легли в основу фразеологизма: đàn gảy tai trâu / «играть на дане (народный струнный инструмент) в уши буйволу» (сравните: «метать бисер перед свиньями»).

Чтобы описать ситуацию, когда не следует забегать вперёд, делая бесполезное по своей сути дело, вьетнамец скажет: đừng đặt cái cày trước con trâu / «не надо ставить плуг перед буйволом» (сравните: «ставить телегу впереди лошади»). А если необходимо проявить инициативу, а не дожидаться, пока дело само сладится, можно употребить пословицу: trâu đi tìm cỏ, chứ cỏ không tìm trâu / «буйвол ищет колышек, а не колышек ищет буйвола» (сравните: «если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе»).

Большие размеры и сила буйвола в народном сознании стали метафорой сильных и властных людей: trâu mạnh trâu được / «сильный буйвол получает всё» (сравните: «кто смел, тот и съел»). Идею о том, что в конфликте между сильными часто достаётся слабым, выражает пословица: trâu bò húc nhau, ruồi muỗi chết / «бодаются буйволы с быками,дохнут мухи с комарами» (сравните: «паны дерутся, у холопов чубы трещат»). Trâu đạp cũng chết, voi đạp cũng chết / «буйвол наступит — умрешь, слон наступит — тоже умрешь». В этой пословице буйвол и слон являются метафорическим изображением угнетателей, под игом которых стонут простые люди.

Размеры буйвола послужили основой метафоры в пословице: bé ăn trộm gà, già ăn trộm trâu / «(если) в детстве украл курицу, в старости украдёшь буйвола» (сравните: «коготок увяз, всей птич-

ке пропасть»). В паремии *đầu gà còn hơn đuôi trâu* / «лучше быть головой курицы, чем хвостом буйвола», т. е. лучше быть свободным и ни от кого не зависеть, чем занимать большую должность с большими проблемами, в основе создания образа также лежит разница в размере и влиянии на повседневную жизнь.

Когда вьетнамцы осуждают тех, кто, пользуясь случаем, стремится поживиться на чужом несчастье, они говорят: *trâu lành không ai mừng (mặc) cả, trâu ngã lằm kê cằm dao* / «здоровый буйвол — никто не радуется, буйвол упал — очень многие бегут с ножом в руках». И в этой пословице размеры и сила буйвола отражают образ человека, которого никто не посмеет тронуть, когда он при власти, но на которого тут же набросятся, если он эту власть потеряет. К этой близка по образности и другая паремия: *trâu già không nệ dao phay* / «старого буйвола не испугаешь разделочным ножом».

Образ буйвола используется для характеристики отрицательных персонажей. Для описания непорядочного человека используется фразеологизм *đầu trâu mặt ngựa* / «голова буйвола, лицо лошади» (сравните: «свиное рыло»). Про пройдоху вьетнамцы скажут: *đầu trâu trán khi* / «голова буйвола, лоб обезьяны» (сравните: «клейма негде ставить»). О стариках, которые увлекаются молоденькими девушками, говорят *trâu già lại thích cõ non* / «старому буйволу нравится молодая трава» (сравните: «седина в бороде — бес в ребро»). Если кто-то распространяет грязные сплетни, не имеющие под собой реальной основы, про него скажут: *trâu lằm vầy cấn* / «грязный буйвол, проходя, пачкает других». В пословице *trâu gầy hổ mặt người nuôi* / «худые буйволы — хозяевам стыд» буйвол символизирует воспитанников, подопечных или детей, за плохое обращение с которыми взрослым должно быть стыдно.

Завистник также предстаёт в образе буйвола: *trâu buộc ghét trâu ăn cỏ* / «привязанный буйвол завидует буйволу, который ест траву», т. е. обладает большими правами или отличается в лучшую сторону. Но злые люди обязательно потерпят поражение и будут наказаны: *trâu hay ác thì trâu vạc sừng* / «(если) буйвол часто злой, ему обтешут рога» (сравните: «бодливой корове бог рог не даёт»). В ответ на критику от далеко не безупречного человека

можно сказать: *bụng trâu làm sao, bụng bò làm vậy* / «как делает буйвол, так делает и бык».

Образ буйвола часто встречается и в компаративных оборотах. *Bẩn như trâu đầm* / «грязный как буйвол из болота» / (сравните: «грязный как свинья») или *béo như trâu trương* / «толстый как распухший буйвол» / (сравните: «здоровенный бугай»).

Слон — самое большое животное на земле, поэтому именно размеры слона являются основополагающими для символической передачи различных человеческих качеств и описания типичных ситуаций общения.

В основе фразеологизма *lấy thùng úp voi* / «взять корзину накрыть слона», который употребляется в тех случаях, когда нельзя скрыть очевидного, а также, когда есть разница в размерах (сравните: «шила в мешке не утаишь»). Репрезентация слона как огромного объекта создаёт картину несоразмерности желаемого и достигнутых результатов: *đầu voi đuôi chuột* / «голова слона, хвост мыши» (сравните: «гора родила мышь») или *hò voi bắn súng sậy* / «кликать слонов, стреляя из тростинки» (сравните: «много шума из ничего»). Эта же метафора заложена в паремии *buộc chỉ chân voi* / «привязать ниткой ногу слона» (сравните: «напрасный труд»). Русской поговорке «в тихом омуте черти водятся» существует вьетнамский эквивалент: *tâm ngâm mà đâm chết voi* / «тихоня, а ударом кулака может убить слона». В основе метафорического образа этой пословицы также лежат размеры слона.

Идея о том, что любые трудности, какими бы они огромными ни были, преодолимы, реализуется в пословице: *trời sinh voi, trời sinh cỏ* / «бог создал слона, бог создал и траву». Грубоватый народный юмор сквозит в поговорке *theo voi ăn bã mía* / «следуя за слонем, ешь отходы сахарного тростника» (сравните: «подбирать объедки с барского стола»). В поговорке: *được voi đòi tiên* / «получив слона, требует фею» слон является концептом большой жизненной удачи. Тот же концепт лежит в основе образа слона в пословице: *không voi bò làm lớn* / «нет слона, и корова покажется большой» (сравните: «на безрыбье и рак — рыба»).

Основой создания метафоры в паремиях помимо размеров слона является его сила. Простые люди не могут повлиять на сильных мира сего, как комары и кузнечики на слона. Яркий

образ несоразмерности насекомого и самого большого животного в поговорках *muỗi đốt chân voi* / «комар укусил ногу слона» или *châu chấu đá voi* / «кузнечик лягнул слона» (сравните: «как слону дробина») прекрасно иллюстрируют эту идею.

Слон в отличие от буйвола животное дикое и опасное. И если буйвол часто предстаёт в образе глуповатого, но доброго человека, слон олицетворяет большую угрозу. *Suối đầu voi dữ* / «сесть на голову дикому слону», т. е. затеять опасное дело, или *tránh voi chẳng xấu mặt nào* / «избегать слона совсем неплохо», т. е. не следует «лезть на рожон» — такова житейская мудрость. Одной из мер наказания в феодальном Вьетнаме было *bị voi giầy*, т. е. быть растоптанным слоном. Страх перед огромным животным, которое без особого труда может уничтожить человека, нашёл своё отражение в фразеологизме *voi giầy ngựa xé* / «слон топчет, лошадь раздирает», что соответствует русскому «чтоб ты сдох» или «чтоб тебя черти взяли».

Ничего не может быть хуже предательства национальных интересов. Отношение вьетнамцев к предателям закреплёно, с одной стороны, в образе слона — могучего и дикого животного, и с другой стороны — в образе отеческих могил. Память о предках для любого вьетнамца священна, поэтому в выражении *giác voi về giầy mả tổ* / «привести слона топтать могилы предков» зафиксировано презрение к тем, кто своими действиями предаёт национальные интересы.

Образ тигра во вьетнамской фразеологии является концептом опасной ситуации. Для отображения этого концепта используется три лексемы со значением «тигр» — *hổ*, *sợ* и *hùm*. Чаще всего в идиомах представлена лексема *hổ*. *Suối trên lưng hổ* / «сидеть на спине у тигра» — значит «попасть в опасную ситуацию»; *đường hổ di họa* / «прикармливать тигра — навлечь беду» (сравните: «пригреть змею на груди»); *dữ như hổ đói* / «злой как голодный тигр». Иногда к образу тигра добавляется образ потомства: *hổ phụ sinh hổ tử* / «у тигра-отца и сын — тигрёнок», т. е. у сильного и смелого человека и дети будут сильными и смелыми. И ещё: *hùm chẳng ăn thịt con* / «тигр не ест своих тигрят» значит, каким бы жестоким ни был человек, он не поднимет руку на своих детей.

Образ тигра используется для создания юмористического эффекта в компаративном обороте *như hổ thêm vây* / «как тигру добавить плавник» (сравните: «как собаке пятая нога»); в предикативном словосочетании *sáo mợn oai hùm* / «лиса взяла себе славу тигра», т. е. прикинулась могущественной; в готовом выражении *miệng hùm gan sứa* / «язык тигра, печень медузы», т. е. грозный на словах и трусливый на деле (сравните: «молодец против овец, а против молодца и сам овца»). Хищное и опасное животное вызывает не только страх, но и восхищение.

Лексема *sợ* присутствует в таких идиомах, как *rừng nào sợ ầy* / «каков лес, таков и тигр» и *sợ chết để da, người ta chết để tiếng* / «от умершего тигра остаётся шкура, от умершего человека — слава». Русскому «ободрать как липку» соответствует вьетнамское *kí sa kí sợ cho sợ nó xơi (ăn)* / «нажить добра, чтобы его съел тигр».

Ограниченная сочетаемость *hùm* придаёт ему большую метафоричность. Чаще всего употребляется пословица: *không vào hang hùm làm sao bắt được sợ* / «разве можно поймать тигра, не войдя в тигриную пещеру». Интересно отметить, что в русском языке в таком контексте употребляется образ волка: «волков бояться — в лес не ходить». Морфема *hùm* также встречается в таких выражениях, как: *hang hùm nọc rắn* / «пещера тигра — яд змеи», т. е. опасное место, где собираются нехорошие люди; *hùm beo* / «тигр и барс» — злые и жестокие люди; *khỏe như hùm* / «сильный как тигр», *làm hùm làm hổ* / «делать тигра, делать тигра», т. е. наводить страх.

С концептом «опасность» связан и образ змеи. Змея не только опасна, но и ядовита, поэтому в паремиях наряду со словом *rắn* / «змея» присутствует и слово *nọc* / «змеиный яд», например: *rắn đổ nọc cho lươn* / «змея обвиняет угря в том, что у него есть яд» (сравните: «валить с большой головы на здоровую»). Образ змеи встречается в паремиях, где речь идёт о решении жизненно важной проблемы. *Đánh rắn phải đánh giập đầu* / «чтобы убить змею, надо раздробить ей голову», т. е. нанести удар в самое опасное место. А если решать проблему не с того конца, то можно сказать: *đánh rắn giữa khúc* / «ударить змею между колец», т. е. не туда, куда надо. Змея также может символизировать пре-

дательство, например: *cõng gắп sắп gà nhà* / «принести змею, которая покусает твоих же кур».

Во вьетнамской мифологии дракон является прародителем, родоначальником вьетнамской нации. *Son rồng cháu tiên* / «дети дракона, внуки феи» — так до сих пор с гордостью говорят о себе вьетнамцы.

Дракон — мифическое животное, символ императорской власти или высокого происхождения. В народном сознании среда обитания дракона — высокое небо или бескрайнее море, поэтому в паремиях дракон часто сравнивается с тем, что находится в этих двух стихиях. Компаративный оборот *như rồng gặp mây* / «как дракон встречает облако» означает везение, благоприятное стечение обстоятельств. С изящным творческим стилем связано выражение: *rồng bay phượng múa* / «полёт дракона, танец феникса». О человеке, который быстро съедает всё подчистую, говорят: *ăn như rồng cuốn* / «ест подобно налетевшему дракону».

Для того чтобы показать величие дракона, его часто сравнивают с креветкой — существом мелким и малозначительным. Когда хозяева хотят подчеркнуть значение гостя, то употребляют четырёхслог: *rồng đến nhà tôm* / «дракон пришёл в дом к креветке». Если в деле не всё ясно, концы с концами не сходятся, употребляют готовое выражение: *đầu rồng đuôi tôm* / «голова дракона, хвост креветки». Дракон сравнивается со змеёй в пословице *thà làm đầu rắn hơn làm đuôi rồng* / «лучше быть головой змеи, чем хвостом дракона». Дракона сравнивают ещё с одним обитателем водной стихии — карпом: *cá chép hóa rồng* / «карп превратился в дракона». Так говорили о тех, кто успешно сдал экзамены, необходимые для занятия высокой должности при дворе.

Для того, чтобы подчеркнуть зависимость человека, невозможность раскрыть свои способности, говорят: *rồng vàng tắm nước ao tù* / «золотой дракон купается в стоячей воде». Величие дракона фиксирует пословица: *trứng rồng lại nở ra rồng, liu diu lại nở ra dòng liu diu* / «драконы вылупляются только из яиц драконов, а из яиц ящерики может вылупиться только ящерица».

Входя в состав пословиц и поговорок, названия животных-эндемиков участвуют в интерпретации окружающего мира, формируя культурно-национальные стереотипы и эталоны, соз-

давая концептуальную картину мира. Необходимо интегрировать знания о языковой и концептуальной картине мира вьетнамцев в практику преподавания, так как успешная межкультурная коммуникация может состояться только при их ясном понимании и реальном учёте.

Примечания

¹ *Войцехович И.В.* Практическая фразеология современного китайского языка // М., Восток—Запад, 2007.

² *Нгуен Ван Ханг.* Структурные и семантические особенности четырёхкомпонентных фразеологизмов в современном вьетнамском языке. Автореф. М., 1994.

³ Там же. С. 8.

⁴ *Triều Nguyễn.* Khảo luận về tục ngữ người Việt (*Чиеу Нгуен.* О вьетнамских пословицах). Hà Nội, 2010. Tr. 37—38.

⁵ *Nguyễn Văn Nở.* Biểu trưng trong tục ngữ người Việt. (*Нгуен Ван Но.* Символика вьетнамских пословиц). Hà Nội, 2010. Tr. 108.

⁶ Ibid. Tr. 316—317.

⁷ *Nguyễn Quý Thành.* Dấu ấn văn hóa trong tục ngữ. (*Нгуен Куи Тхань.* Отпечаток культуры в пословицах) // Văn hóa dân gian. 1998. № 4. Tr. 76—79.